

О плюрализме человеческой природы

ЛАКС Дж.

Если я поеду на юг от Нэшвилла, штат Теннесси, то менее чем через десять часов я достигну большого водного пространства. Его существование есть объективный факт: оно было там и прежде, до того как первый человек поплыл по нему, оно там, когда на него никто не глядит, оно будет там, когда мы покинем Землю и полетим осквернять другие планеты. Даже если какой-нибудь сумасшедший диктатор ради своей эксцентрической доктрины отрицал бы его существование, то волны его продолжали бы омывать берега, а рыбы в нем по-прежнему резвились на устричных отмелях. Я не предлагаю исчерпывающей концепции природы объективных фактов. Для моей цели достаточно отметить, что некоторые вещи не обязаны своим существованием ни человеческой мысли, ни человеческим усилиям.

Водное пространство, к которому я подъехал, называется "Мексиканский залив". Это название — конвенциональный или определенный выбором факт, который зависит от межсубъективных соглашений. Ведь мы могли бы дать этому водному пространству одно из его старых индейских имен, или назвать его "Заливом Довольства", а то и просто "Сэм". Вода не предполагает и не требует никаких особых имен. То, как мы решаем ее назвать, не только условно, но и произвольно: социальные, политические, географические соображения участвуют в установлении всеобще принятого названия. И уже принятое оно продолжает оставаться заложником человеческих решений. Флоридское бюро туризма может с успехом начать кампанию по переименованию "Мексиканского залива" во "Флоридский залив" и даже убедить всех не использовать иного названия.

Не так трудно определить объективные и конвенциональные факты. В данном случае они образуют классы, взаимоисключающие друг друга и кажущиеся исчерпывающими по их общему объему. Но ошибочно было бы полагать, что всякий факт есть факт или только объективный или только конвенциональный. Существует третий класс фактов, чье центральное значение воспринималось, во всяком случае философами, неадекватно. Я имею в виду факты, в состав которых входят одновременно и объективные и субъективные элементы. Назовем их фактами выбора, т.е. фактами, включающими в себя выбор.

Со времен Канта идея реальностей, образуемых людьми, являлась общим местом. Факты, на которые я хотел бы обратить внимание, отнюдь не трансцендентальны, это совершенно обычные, эмпирические факты. Они детерминированы не природой человеческих познавательных способностей, а многообразием возможного и обратимого выбора. Каждый знаком с такого рода фактами, хотя их собственная природа, маскируясь под объективные факты, склонна ускользать от нас.

Как, например, мы должны воспринимать утверждение, что водное пространство, которого я достиг, залив? Объективные факты полагают определенные измерения. В данном случае мы имеем дело с конкретным объемом соленой воды, локализованным в конкретном географическом районе. Назовем это морем! Судя по размерам для такого названия есть повод. Но географическая особенность нашего водного пространства такова — оно ограничено с трех сторон землей — что позволяет назвать его и фиордом, и бухтой, и

заливом. И хотя Гудзонов и Бенгальский заливы можно назвать бухтами, все-таки бухта, как правило, — это относительно небольшое водное пространство. Таким образом, мы можем определить наш объект как морской залив, т.е. сравнительно большая часть океана или моря, вдающаяся в сушу. Однако если это залив, то тогда Японское и Балтийское моря, имеющие меньшие размеры и более выраженные границы, также должны быть заливами. Гвинейский же залив, поскольку он гораздо меньше всех названных водных объектов и ограничен сушей только с двух сторон, заливом вроде бы быть не должен.

Думаю, не имеет далее смысла спрашивать: "Что представляет собой это водное пространство в действительности?", ибо в определенных его физических характеристиками границах оно есть то, что мы решили. Мы не можем, если, конечно, не полные идиоты, определить его как горную гряду или как кофейник. Но у нас есть все основания полагать его или морем, или бухтой, или заливом, и то, что одержит победу, будет результатом выбора. Следовательно, правильнее было бы спросить: "Каков наилучший вариант классификации этого водного пространства?" И это вопрос, на который нельзя дать недвусмысленный, тем более осмысленный ответ без априорной оценки того, что мы собираемся классифицировать. Если взять пример с Балтийским морем, с народами, населяющими его берега, то в интересах соблюдения всеобщих навигационных прав лучше называть его морем. Назвав же его заливом, по аналогии с Мексиканским заливом, мы могли бы получить противоположный ожидаемому результат — проникновение в сферу интересов европейских государств идеи частного американского морского пути.

Есть несколько типов и множество примеров фактов выбора. Все они включают в себя объективные факты наряду с определенным, как правило, социальным решением, относящимся к области классификации. Выбор порой есть выражение взаимного несоответствия объективных фактов, их неверной связи. Однако не существует единственно верной классификации. Факты допускают гибкость наших суждений; самые разнообразные способы отбора и группировки фактов могут быть полезны и пригодны в зависимости от того, чего мы хотим достичь.

Мы не обнаружим объективный факт, характеризующий человека, в том, если назовем его толстым. Объективный факт предполагает здесь данные о весе индивида и его весовом соотношении с индивидами, входящими в состав конкретного населения. Но мы можем, например, принять соответствующее решение исходя из того, что быть толстым значит превышать средний вес на двадцать или более процентов, или по другим показателям — на пять или пятьдесят процентов. Будут, наверное, серьезные основания для выбора нами того или иного варианта. Но при этом мы никогда не сможем точно уловить, что же такое объективно быть толстым, по одной простой и убедительной причине: такой вещи не существует.

Совершеннолетие представляет собой другой пример факта выбора, поскольку также предполагает определенное решение, скажем, относительно того, где проходит граница между теми, кто может пить, и теми, кто еще пить не может. С точки зрения объективного факта ничто не является большим, горячим, тяжелым; никто не является бедным, красивым, слабым, щедрым, высоким, удачливым, отсталым или, наконец, мертвым. Здесь важно не то, что применение этих терминов подразумевает не выраженное в словах сравнение членов класса, а то, что сравнение само по себе не оправдывает их применение. Нам нужно еще и решение, определяющее тот пункт в отношении сравниваемых предметов, где мы первоначально допускаем использование термина.

Подобные решения, конечно же, не произвольны. Они, как правило, публичны, преследуют те или иные цели и предполагают разнообразные формальные и неформальные механизмы

своей формулировки. Например, решение, о том, где провести границу между жизнью и смертью вырабатывается сегодня определенным политическим процессом. Традиционное различие между ними, выраженное в терминах прекращения действия кардиопульмонарной функции, оказалось неадекватным в свете развития техники жизнеобеспечения и воскрешения. Специально назначенная Президентская комиссия предложила рассматривать в качестве критерия смерти прекращение деятельности мозга. Новое положение преследует широкий круг социальных интересов и в большей степени соответствует технологическим реальностям, нежели теперь уже устаревший, традиционный критерий. За последнее десятилетие (или что-то около этого) законодательные власти почти тридцати штатов приняли эту рекомендацию. При дополнительной поддержке новое социальное решение породит бесконечное число фактов выбора в результате констатации смерти физиологами.

Непрекращающаяся дискуссия об аборте свидетельствует также о разногласиях в принятии социального решения по вопросу о начале жизни. В этой сфере нет новых объективных фактов: ни биологические исследования, ни абстрактная философская рефлексия не способны ответить, когда именно начинается жизнь. Нам необходимо всеобщее принятое решение о том, где, в какой момент на протяжении всего процесса от зачатия до рождения следует провести границу между просто биологическим и подлинно человеческим существованием. Если мы не найдем основы для этого определения или будем в нем произвольны, то тогда мы достойны в лучшем случае позорного столба. Религиозные верования, личные ценности и сложившиеся стили жизни людей — все это необходимо привлечь к решению данной проблемы, учитывая, конечно, экономические интересы и социальные последствия. Многие годы консенсус в этом вопросе просто ускользал от нас, но то не было результатом неудачи в обнаружении искомого, то было напряжением разгоревшихся страстей и сложности баланса ценностей, который мы должны достичь.

Популярные сегодня биологические категории также включают в себя выбор. Целый континуум растений и животных служит объективным основанием фактов, образуемых при использовании этих категорий (классификаторов). В качестве дополнения здесь тоже фигурирует молчаливо сделанный выбор, когда данный континуум расчленяется именно таким образом, а не бесчисленными другими. Мы могли бы, к примеру, классифицировать морских свиней на основе среды обитания или метода локомоции отнести их к представителям класса рыб, на основе веса — к крупному рогатому скоту, и на основе их разумных способностей к той же группе, что и человек и человекообразные обезьяны. С этой точки зрения наша современная классификация, базирующаяся на способе дыхания и воспроизводства, лишается своего явного преимущества. Каждое из этих делений закономерно и полезно, каждое фиксирует интересные характеристики животных и высвечивает их значимые отношения к другим животным. Утверждать, что одна, и только одна, классификация может представить вещи такими, каковы они есть на самом деле, значит придерживаться иллюзии совершенного мира. Любая из них освещает лишь фрагмент реальности, но вовсе не обязательно, что это тот самый тупик, в который мы предпочитаем упереться.

Биологи могли реагировать на это, так или иначе сопоставляя наши изменчивые цели и терпеливую самооценку истины. Некоторые классификации уместнее (и это можно аргументировать) для постижения истины животного мира. Если мы сосредоточимся на дыхании и воспроизводстве морских свиней, то скорее продвинемся в открытии их эволюционного происхождения, чем если бы мы изучали способ использования их хвоста. Верная классификация подобна ключу, которым открывают дверь, ведущую к тайным природным; когда ключ подобран, мы знаем, что наша идея не только полезна, но и истинна. Если это так, то наши повседневные поиски ответов выступают отнюдь не на равных с поиском правильной классификации, погоней за истиной. Одно из отличий повседневных

поисков состоит в том, что их результат, удовлетворяющий нас, означает получение желаемого. Напротив, в научном постижении истины нет места для частных прихотей или для потусторонней общественной цели. Когда мы действуем под давлением объективных фактов, допустимо только желание установить способ, благодаря которому существуют сами вещи.

Но мысль, идущая в этом направлении, весьма образна. Она играет на струнах предубеждения против наших мотивов, на струнах нашей жажды героического. Она изображает ученых как безликих слугителей истины, а остальных — рабами убогих замыслов обыденной жизни. Я из тех, кто не делает проблемы из того, что испытывают многие философы в процессе постижения независимой реальности фактов и истин; я попросту испытываю удовольствие, когда приближается лето, потому что меня ждет Мексиканский залив.

Тем не менее стоит заметить, что не все истины прибывают из объективного многообразия: обусловленные выбором и включающие в себя выбор факты также пригодны для постижения истины. И строгость постижения в данном случае оказывается чрезмерно преувеличенной. В действительности же нет ничего более щедрого, чем добывание истины. "Мы окружены истинами со всех сторон", если мы допустим эту посылку, то их абсолютное число поразит разум. Мой автомобиль сделан, грубо говоря, из восемнадцати тысяч деталей. Если я попробую пронумеровать истины, то получится восемнадцать тысяч истин, не считая миллионов истин, относящихся к связке деталей. Один коллега, озабоченный достижением рекорда в произнесении истин, сказал мне, что как только он обнаруживает, что увлекается сомнительными утверждениями, то быстренько прочитывает наизусть таблицу умножения, дабы поднять дневную норму истин.

Очевидно, мы желаем не истины вообще, а относительных истин, всеобщих истин, новых истин или полезных истин. Исследование, следовательно, должно руководствоваться объективностью и ценностями, стоящими за стихийным любопытством и чем-то еще, что тонет в самой истине. Эти ценности выражают множественность наших позиций и инициатив, они определяют границы мира, в которые мы заключены, род предметов, которые мы хотели бы найти, виды пользы, с которой мы соотносим наши результаты. Научная инициатива отнюдь не выступает в качестве беспристрастного, беспорядочного поиска истины. Это организованная человеческая активность, направляемая, как и прочие, нашими потребностями и интересами. Цель по крайней мере у части их этих инициатив может быть чисто эпистемологической: некоторые ученые стремятся определить такие характеристики изучаемых объектов, которые имеют решающее значение для исследования взаимосвязи и разнообразия самого большого числа сопутствующих черт. Скажем, системные цели так или иначе выражают устойчивые, глубоко укорененные, обусловленные потребностью отношения очень уязвимых и живых существ, каковыми мы являемся, преследуя по крайней мере наши непосредственные практические интересы. Всеведущий бог не обратил бы никакого внимания на эти центральные, системные характеристики: божества, огражденные от какого-либо вреда, смогли бы удовлетворить свою любознательность иным способом, посчитав неустанное обретение знания слишком обременительным. То, что морские свиньи дышат легкими, не более истинно, чем то, что по весу они не уступают коровам. И стремление определить их эволюционное происхождение составляет возможную человеческую цель не меньше, чем пристрастие к изучению строения их хвоста. Как бы мы ни соотносили и ни изучали вещи, мы будем отыскивать истины. Какие бы мы ни обнаруживали факты, включающие выбор, или истины, они всегда будут выражать какую-то цель, скрытую за решениями, которые придают фактам структуру и определенность.

Теперь же, когда я своими комментариями о характере биологических категорий прогневал

тех, кто верит в жестко фиксированные естественные виды, я могу продолжить и с таким же успехом привести в ярость почитателей человеческой природы. Утверждения, которых мы стремимся придерживаться в вопросах о том, что принадлежит человеческой природе (а что нет), что определяет человеческую сущность в каждом индивиде, что представляют собой устойчивые человеческие характеристики, также основываются на фактах выбора. Поскольку это факты, включающие в себя выбор, они обладают объективным компонентом, ограничивающим то, что можно назвать человеческими характеристиками и кого можно определить человеком. Но элемент, не зависящий от установлений нашего выбора, полагает лишь внешние и довольно смутные границы соответствующей классификации. В этих пределах факты, окружающие нас, не наделяют особым полномочием какую-либо конкретную классификацию; они достаточно богаты и гибки, допуская многообразие упорядочивающих построений. То, как мы их упорядочиваем, не может быть определено непосредственно тем, что они из себя представляют. Их характеристики и отношения открывают для разума бездну возможностей. Причем мы должны сознательно или бессознательно принять решение сосредоточиться на определенных отношениях и пренебречь всеми остальными.

Кого мы будем определять как человека? В этом вопросе первобытные племена склонны были проявлять своего рода исключительность: как правило, они закрепляли только за собой отличительные черты человека. Но и цивилизованные греки не избежали этого искушения, считая людьми только самих себя и называя чужеземцев грубыми и неполноценными "варварами". История Адама и Евы, хотя и предлагает для нас единое происхождение и единственную природу, все же Ветхий завет, принимающий в расчет борьбу между израильтянами и соседними племенами, не оставляет сомнений относительно того, кого можно, а кого нельзя признать истинными сынами Бога. История человеческого рода есть одновременно и история отрицания человеческого статуса отдельных групп индивидов: женщин, детей, черных, евреев, индейцев, славян, неверных, сарацинов, христиан, язычников. Более цивилизованная часть мира сегодня пришла к консенсусу по вопросу о нежелательности такого рода исключений. Но это человеческое соглашение достигнуто не в результате всеобщего признания одной единственной человеческой сущности, а как вынужденное решение возвысить так называемые сходства между людьми и отклонить наши различия, как не относящиеся к делу.

В признании присущей всем человечности, обещающем немалые выгоды, и в кампании поддержки этого признания, проведенной с необычайным воодушевлением, мы усматриваем свидетельства того, что это область не объективных фактов, а фактов выбора. На карту поставлены ценности, формирующие наши решения о том, какие сходства выделять и как их классифицировать. Объективные факты, лежащие в основе классификации, позволяют назвать людьми всех, начиная с албанцев и кончая зулусами, и они же допускают исключения в отношении идиотов и неверных. Но есть предел терпению и у этих фактов. Облака, волны, ломтики яблочного пирога не могут, с точки зрения здравого смысла, рассматриваться в качестве людей, как не могут бегать дома или звезды вечернего неба. Таким образом в такого рода вопросах существует возможность ошибки, хотя ее не так просто сделать, как полагают философы.

В некоторых других случаях отнюдь не ясно, что позволяют объективные факты. В таких неясных ситуациях надо отчетливо представлять себе ведущую роль решения, предлагаемого классификацией. Раньше бывали серьезные философские дискуссии о том, являются ли люди искусственными роботами, способны ли усовершенствованные машины однажды стать людьми. Такие вопросы замаскированы под вопрос об объективных фактах. Однако они не решаются на основе наблюдения, разумных аргументов или на основе чего-то, что мог бы еще выразить прирожденный знаток нашего языка применительно к данному случаю.

Коренной порок этих дискуссий заключался в том, что вопросы, обсуждаемые на них, побуждая к исследованию, вели в ложном направлении. Пустое спрашивать, могут ли люди в конечном счете стать машинами и какой сложности должна быть машина, чтобы быть или стать человеком. Это выходит за рамки объективных фактов, за пределы того, что есть вещь сама по себе. Более того, такие вопросы — дело сознательного или бессознательного человеческого решения. Соответственно, правильнее задать вопрос об условиях, необходимых для нашего решения и для того, чтобы проследить очевидные различия между людьми и машинами с точки зрения их классификации.

Что могут представлять собой такие условия? Мы должны отметить прежде всего значимые сходства между людьми и машинами. Эльфы, которые, как полагают, приводят в движение механизм старых часов, достаточно похожи на нас, чтобы назвать их маленькими человечками. Шестерни — нет, как нельзя назвать человеком двигатель внутреннего сгорания и машинку для стрижки волос. Кое-что о машинах могли бы поведать наши интересы и симпатии. Например, мы способны поражаться факту их разумности или их реакции как бы, скажем на боль. Это активизирует ценностные предпочтения и позволяет некоторые из наших всеобщих верований (такие, как разумность достойна уважения и беспричинно вызванная боль есть зло) распространить на наши отношения к машинам. В таком случае мы должны были бы изучить последствия классифицирования машин, по крайней мере, некоторых из них, как людей. Такая классификация привела бы к важным социальным результатам: компьютеры и роботы, как и люди, не могут больше продаваться и требуют такого же обращения, которого заслуживают наемные работники или независимые" контрактанты. Более того, при этом они подпадут под защиту всех законов о труде, гарантирующих им обеденные часы, плату за сверхурочную работу, очередной отпуск и компенсационные пособия. В определенной мере усовершенствованные роботы способны будут начать кампанию за признание их в качестве правовых субъектов. Перед лицом данной ситуации мы вполне могли бы решить, что лучше определить их как людей со всеми вытекающими отсюда издержками, чем терпеть последствия продолжающегося различия.

Но не окажется ли тогда, что такое решение является попросту политическим признанием реальности? Возможно, машины определенной сложности уже люди и были таковыми все время, пока мы пытались решить, как их классифицировать. Мы действительно в конечном счете склонны верить, что черные были в полном смысле слова людьми и до того, как они стали таковыми согласно их статусу после отмены рабства. Почему же тогда человечность машин на определенных стадиях их развития должна быть под вопросом?

Такие вопросы изначально вероятны. Если мы когда-либо решим, что машины -это люди, то одни, видимо, скажут: "Я давно уже замечал, что они очень похожи на нас". А другие с таким же основанием заявят: "Я всегда считал, что они — это люди, одетые в металл". Но будем ли мы рассматривать эту интуитивную догадку как адекватный довод, убеждающий нас в том, что мы, классифицируя машины как людей, отмечаем лишь объективный факт? Решение здесь, по крайней мере отчасти, зависит от сходства между условиями, характерными для двух процессов. Похож ли процесс, результатом которого является утверждение, что машины — это люди, больше на молчаливое согласие с объективной реальностью, чем на принятие решения?

После внимательной и рассудительной оценки ответ будет, скорее всего, отрицательным. Объективные факты, такие как существование водного пространства, названного нами "Мексиканским заливом", относительно легко признать. В подобных случаях мы мало нуждаемся в отборе доказательств или в пространном размышлении: реалии в принципе впечатываются в нас. Иной глубоко верующий человек, например, мог бы предсказать, что конец света наступит в определенный день, скажем, в девять утра. Через минуту после

указанного срока каждому бесспорно станет ясно, что светопреставление не наступило, и объективным фактом явится то, что мир продолжает свой веселый путь.

Конечно, есть некоторые независимые реальности, в существовании которых убедиться не так-то просто. Наличие планеты, скрывающейся за Нептуном, установление любовницы Дуайта Эйзенхауэра времен военных лет, местопребывание красавчика Принца Чарли — все это погружено во мрак неопределенности. Но даже в таких случаях, для того чтобы справиться с делом, требуется нечто иное, чем решение. Если мы узрели в телескопе Плутон или генерала в будуаре у дамы, то спорный вопрос решен. Увенчанного успехом исследования, проведенного Стабборном, вполне хватит для непосредственного обращения с объективными фактами. Выбор результата здесь не только неуместен, но и чреват катастрофой, поскольку препятствует должному исследованию и создает по нашему произволу дешевый суррогат того, что есть на самом деле. Однако все совсем не так в ситуации с вопросом о человечности машин. Человечность это значение, которым мы наделяем нечто на основе комплексного критерия и придирчивой оценки. Когда поставлен вопрос о том, должны ли мы приписать это значение машинам, исследование может и не дать дополнительных фактов, пригодных для выработки ответа. Выявление непосредственного сходства между машинами и людьми необходимо для продвижения в принятии решения, однако сама суть проблемы не позволяет ограничиться только этим. Если даже действия машин и очень похожи на нашу собственную деятельность, то все еще остается вопрос о происхождении и составных частях объекта. Машины в конечном счете есть продукт промышленного производства, в то время как люди — результат более приятного и более интимного акта. Продукты промышленного производства состоят из неживых компонентов в противоположность клеткам и органам, образующим нас. Для ответа на вопрос о степени сходства в поведении достаточно того, что существует само это сходство, но, чтобы проследить различия, нельзя ограничиться ссылкой на факты. Требуется решение и вместе с тем оценка целей, потребностей, контекста, а также возможных последствий, издержек и выгод. Если некто утверждает, что машины не могут быть людьми до тех пор, пока они не способны испытать чувство любви или же пристраститься к клубничному пирожному, то он отнюдь не придерживается объективных фактов. Он лишь показывает нам, как высоко он ценит вхождение в сексуальный контакт или же неравнодушие человека к взбитому крему с ягодами.

Такие соображения свидетельствуют, что нет абсолютного тождества между признанием или отрицанием человечности машин, с одной стороны, и признанием, фиксированием или наблюдением объективных фактов, с другой. Можем ли мы тогда иметь убедительные основания для решения рассматриваемых вопросов — что есть, а кто не есть человек, — как если бы мы имели дело с вопросом об объективных фактах? Мы можем поступать таким образом и действительно нередко так поступаем, хотя это не совсем и приятно для объективиста. Представить какую-нибудь точку зрения как нечто, вероятно, имеющее основание в природе вещей, — исключительно удобная стратегия в убеждении других и в избавлении от своих собственных сомнений. Объявление определенных ценностей естественной истиной, например, дает нам более надежную опору, чем простое заявление о намерении отстаивать их. Утверждая, что определенные социальные структуры, политические порядки или способы поведения есть прямое следствие человеческой природы, мы придаем им большую весомость, нежели если просто говорим, что отдаем им предпочтение. Даже если бы мы решили, что машины совершенной конструкции действительно являются человеческими существами, то мы значительно облегчили бы общественное признание данного изменения порядка вещей, настаивая, что они были людьми уже давно и что мы лишь с известным запозданием отдаем должное объективным фактам. Хотя выбор и входит в установление некоторых классов фактов, однако принадлежность данного факта к определенному классу не является делом выбора.

Комплексные и разнообразные критерии и строгие оценки, используемые для присвоения звания человека отдельным группам людей, выдвигались на всем протяжении длительной истории расширения общности нашей расы. Время от времени мы или наши влиятельные группы принимали решения проследить различия между людьми по классу, расе, полу, религиозной принадлежности, национальности, умственным способностям, приобретенным или естественным дарованиям, или же признать за широким кругом индивидов разного права на достоинство и уважение. Объективные факты допускают подобные решения без всякого насилия над собой. Рабы, например, походили на своих хозяев до освобождения, точно так же как и после него, но этого сходства недоставало для определения их как людей. Поэтому утверждение, что они были людьми и до того, как получили свободу, выступает онтологическим способом восстановления моральной истины: их должно было определять как людей задолго до освободительного акта.

Именно моральный контекст и ценностные установки такой переклассификации оправдывали расширение человеческой семьи. Ясно, что мы все склонны к решению отнести черных, женщин, членов различных религиозных конфессий, спортивных соперников и даже наших врагов к разряду полноценных людей. Выгоды от подобного приращения объема понятия человечества тем не менее занижены двумя серьезными тенденциями. Одна из них — нелады с признанием того, что факты, касающиеся природы человека, являются скорее фактами выбора, чем объективными фактами. Это сохраняет онтологию господствующей и в ее термины мы продолжаем верить: все мы обладаем единой сущностью и наделяем людей равными правами на уважение и есть собственно уже ответ на признаки существования подобных объективно возникающих форм. Вторая тенденция подкреплена первой. Поскольку мы трактуем наше понятие человеческой природы как определение естественного рода, постольку мы не способны на его основе охватить все многообразие, неизбежно раскрывающееся и расширяющее его объем. Мы признали принадлежность к человеческой общности самого большого числа людей, чья природа не согласуется с установившимся понятием того, что есть человек. Не сокрушив традиционный стереотип, мы сегодня сталкиваемся с ситуацией, когда страстно желаем продолжать называть таких индивидов недочеловеками, а их жизнедеятельность неестественной, хотя мы и не можем так поступать без отмены их нового статуса. Здесь скрыт источник душевной раздвоенности современного мира: мы подошли к признанию законности форм жизни, которые мы не можем еще не осуждать.

То важное и ценное, что охватывалось идеей единой природы человека, объединяющей нас всех, мы должны дополнить концепцией множественности человеческой природы. Факты допускают такой способ классификации и наши потребности и цели в достаточной мере оправдывают его. Человеческий ландшафт украшен многообразием, огромное число различий формирует наше сходство. Философы, обобщая, стремились проследить целиком весь круг этого многообразия, но удержались от этого, припомнив предостережения эмпирического наблюдения. Как бы то ни было, люди действительно различаются в значительной мере в своих чувствах, ценностях, деятельности. Сверхчеловеческие, выражающие их жизнь, не только разнятся в зависимости от общества, эпохи, но кроме того и от индивида. Одни (серьезно отсталые в своем развитии) фактически лишены способности осуществлять высшие ментальные функции, другие — испытывать эмоции. Одни непредсказуемо изменяют свои реакции, причем беспрестанно, другие (кататонические шизофреники) не изменяют их вовсе. Одни воспринимают мир не доступным для нас способом, выстраивая богатую внутреннюю жизнь в частных образах и смыслах, другие не в состоянии сделать какое-либо значимое обобщение, есть и такие, которые (например, гидранцефалики) не разделяют с нами ни одной из деятельностей и тем самым заставляют задуматься о своем отличии от нашего рода.

Мы должны быть осторожны и не полагать, что какое-либо отклонение является подходящим основанием для констатации неустранимого отличия от человеческой природы. Различия должны быть достаточно широки и достаточно глубоки, чтобы мы могли избежать здесь упрощения понятия. Мы вовсе не желаем утверждать, что коротышки и великаны, любители пива и трезвенники, люди с 20/20 зрения и с 20/40 зрения различаются по природе. Цели же, определяющие выбор в различии многообразия человеческой природы, вращаются вокруг восприятия наших несходств, терпимости по отношению к тем, кто живет, исповедуя дивергентные ценности. Соответственно, различия, которые мы ищем, должны быть генетическим несоответствием в свершениях и в жизни, характерны для групп людей.

Такие различия нетрудно найти, если мы сосредоточимся на людских намерениях, деятельности и удовлетворениях. Намерение выступает желанием, ставшим активным: оно возникает тогда, когда в результате оценки чего-либо мы стремимся предпринять шаги, чтобы получить это нечто. Подобные "шаги" составляют большую часть ежедневной жизнедеятельности: это — поиски, постижения, целесообразные, связанные с привычками действия, искусные движения и тайные ритуалы, выполняемые каждый день. Было бы ошибкой искать их только в драматических стечениях жизненных обстоятельств. Они образуют прежде всего и главным образом такие элементы нашего микроповедения, как координация глаз и руки, когда мы тянемся к ломтику пирога, как движение челюсти и языка, когда мы откусываем кусочек. Сосредоточение на микроповедении помогает представить связь между активностью и удовлетворением особенно зримо. Даже простая деятельность содержит действия-сегменты, каждый из которых тщательно выверяется с тем, чтобы определить то изменение в движении, которое требуется для достижения желаемого результата. Когда действие-сегмент удовлетворяет цели, тогда сама деятельность протекает так же быстро, как если бы я, откликаясь на голос за моей спиной, поворачивался назад. Когда действие-сегмент не удовлетворяет цели, тогда происходит незамедлительная коррекция, как если бы я заметил, что при своем повороте я зашел слишком далеко.

Намерение, деятельность и удовлетворение образуют, таким образом, неразрывную цепь взаимодействия друг с другом. При великих страстях, как и в микроповедении желания побуждают к деятельности, а удовлетворение подтверждает деятельность. Когда наши усилия оказываются бесплодными или обходятся нам чересчур дорого, мы, как правило, озадачены и в конце концов склоняемся к пересмотру наших намерений и нашей деятельности. Детские мечты, к примеру, о полете, раскинув руки, мы отбрасываем из-за их тщетности, в то время как преодоление страстного желания попасть бейсбольным мячом в большое окно (занятие, легко осуществимое и в высшей степени удовлетворяющее нас) дается нам крайне бесполезно, вызывая порой чувство мировой скорби. В указанных процессах, следовательно, намерения, действия, результаты оказывают влияние друг на друга. Какие бы верования мы ни выбирали в отношении природы и оправдания ценностей, в этих процессах по сути дела место их рождения, своего рода их пробный камень.

Человеческая природа изменяется в соответствии со значимыми различиями в человеческих намерениях, деятельности и удовлетворениях. Существование таких различий относится к сфере объективных фактов; а то, как каждое из них определяет отклоняющуюся человеческую природу, есть факт, включающий в себя выбор. Выделение различия между нами не должно, конечно, затруднять понимание наших сходств. Тем не менее различия, которыми порой пренебрегают, достаточно широки и очень важны для культивирования благопристойности в отношениях с другими людьми, и потому на них стоит остановиться несколько подробнее. Наши отличия в намерениях, деятельности, удовлетворениях обуславливают разнообразные ценности, которые структурируют особые образы жизни. В минуты откровения многие из нас признаются, что для них непостижимо, как это другие могут действовать исходя из иных ценностей и как они могут довольствоваться жизнью,

которую избрали. Однако после соответствующего размышления нужно добавить, что и они, конечно же, чувствуют то же самое в отношении нас.

Намерения, деятельности, удовлетворения, присущие полноценному члену общества приобретательства, предполагают воспроизводство человека определенного вида. Неумолимое побуждение к работе, непрерывное накопление новых и старых продуктов — все это приводит к тому, что досуг здесь такой же редкий и короткий, как и птичье пение в ненастный день. Даже в университетах, где жизнь, казалось бы, располагает к рефлексивной позе, люди настолько закручены в водовороте изнуряющей работы, поглощающей людские усилия ради удовлетворения насущных потребностей, в погоне за именем, известностью, что занятия античным самосовершенствованием кажутся просто неуместными. Такая жизнь со стороны представляется опустошающей, разрушающей, доводящей до расстройства и лишь подсвеченной призрачными радостями. Однако многие из нас решительно выбирают именно ее и почитают за счастье не что иное, как ее продолжение.

Противоположность таких намерений и действий составляет жизнь людей, стремящихся к умиротворению и ищущих покой в монастырской тиши или же под мостом. Человеческая природа при этом пассивна перед лицом непредвиденных обстоятельств или же, полагаясь на Бога, руководствуется различными ценностями, ищет неодинаковых удовлетворений. Огромные дома, фантастические поездки, телефон в автомашине — все это, чем оценивается личность по результатам своей работы, есть тлен для души человека. Стяжательство подменяет стимул, волю и все то, к чему мы стремимся при простом и здоровом образе жизни. Желание манипулировать людьми и миром уходят на задний план и человек, оставшись наедине с природой, учится двигаться без движения, подобно парящей на ветру птице. Небольшой процент бездомных, живущих на пособие, и глубоко религиозные люди, возможно, составляют малое исключение в обществе приобретательства. Но духовность и простая жизнь останутся великим идеалом даже на всемирной ступени постиндустриальной эпохи.

Принимая взгляд, согласно которому человеческая природа множественна, мы устраняем тем самым одну из важных опор отрицания непопулярных ценностей и альтернативных форм жизни. Для людей оказывается невозможным утверждать, что один и только один единственный стиль поведения является естественным и правильным, что те или иные намерения, действия и удовлетворения людей неестественны. На основе того, кто мы есть, определяется то, что мы ценим и как должны действовать, и это положение составляет теоретическую посылку здорового плюрализма. Таким образом, мы сможем, наконец, обеспечить полное оправдание наших собратьев, и поскольку они не приносят вреда, их отличия от большинства людей в экономических, религиозных, социальных или даже сексуальных ценностях или же в иерархии этих ценностей, не оправдывает никакого особого отношения к ним. Мы будем просто относить то, что кажется нам странным поведением или непонятной склонностью, к невинным различиям в нашей человеческой природе.

Современность преподнесла нам урок: мы пришли к признанию того, что многое в мире случайно и многое достойно совершенствования. Эти открытия были впервые сделаны применительно к физическому миру и лишь сравнительно недавно мы постепенно подошли к рассмотрению традиций, социальных и политических структур как оптимальных и доступных разумному контролю. Мне кажется, что мы еще не полностью распространили это признание на наши собственные мысли и концептуальные схемы. Мы продолжаем верить, что есть один-единственный способ мыслить вещи, и философы, не обремененные историческим знанием, склонны отождествлять его с современным способом мышления. Это беда. Мы должны знать, что наши мнения, наши различия и даже термины нашей рефлексии ведут условную жизнь и, возможно, нуждаются в замене. Во многих областях

мысли мы пользуемся безграничной гибкостью и безграничной способностью приспособлять наши идеи к нашим целям. Только разумные и многообразные вариации нашего мышления помогут достичь наших эпистемологических целей и оправдать поразжающее воображение богатство действительности.

Перевод с английского В. В. Платковского

Вопросы философии, 1992, № 10. С. 103-111.